

УДК 316.45, 35.0

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.2.4

EDN: SXCXJP

Научная статья

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЭЛИТА РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА КАРЬЕРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Денис Борисович Тев

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,

Санкт-Петербург, Россия,

denis_tev@mail.ru,

ORCID 0000-0001-5442-7585

Для цитирования: Тев Д. Б. Федеральная административная элита России: особенности воспроизводства карьерных характеристик // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 2. С. 67–89. DOI 10.19181/snsp.2025.13.2.4. EDN SXCXJP.

Аннотация. Рассматриваются тенденции воспроизводства карьерных характеристик федеральной административной элиты России. Эмпирической основой исследования служат биографические базы данных высокопоставленных федеральных чиновников 2013 и 2024 гг. Проведённый анализ позволил сделать ряд выводов. В персональном плане элита преимущественно обновилась, при этом среди руководства АП и органов исполнительной власти, непосредственно подчинённых главе государства, персональное воспроизводство сравнительно более выражено. Напротив, социально-структурные (карьерные) характеристики элиты в целом демонстрируют тенденцию к воспроизводству. Довольно устойчивы такие показатели её профессионального происхождения, как уровень милитаризации и доля выходцев из федеральной и региональной администраций. Федеральный парламент, как и прежде, играет незначительную роль в качестве поставщика администраторов, мало изменилась и доля прямых выходцев из бизнеса. В целом, можно говорить о более или менее сложившемся паттерне рекрутирования федеральной административной элиты в период правления В. В. Путина, что свидетельствует об институционализации этой властной группы. Социально-структурному воспроизводству элиты способствовала стабильность многих основополагающих характеристик общественно-политического контекста её формирования, во многом определяющего возможности элитной административной карьеры, доступность и привлекательность властных позиций. Вместе с тем произошли и некоторые изменения карьерных характеристик как элиты в целом (например, ослабла роль частных фирм и возросло значение госкомпаний как прямых поставщиков ключевых чиновников), так и её отдельных сегментов. Отчасти эти тенденции связаны с постепенным выхождением из элиты кадров, впервые занявших видные административные посты в конце 1990-х – первой половине 2000-х гг. Перемены в политико-экономическом контексте, вызванные СВО и санкциям против РФ, также могут влиять, хотя пока ещё в ограниченной мере, на карьерные характеристики элиты.

© Тев Д. Б., 2025

Ключевые слова: федеральная административная элита, воспроизводство, институционализация, карьера, рекрутирование

Введение: воспроизводство и институционализация властной элиты

Говоря о воспроизводстве элиты, следует различать два его аспекта. Первый касается устойчивости персонального состава элиты, то есть сохранения на ключевых властных позициях в течение более или менее длительного времени конкретных индивидов (персональное воспроизводство). Это наиболее часто используемое значение элитного воспроизводства. Именно в этом смысле оно обычно понимается, например, в дискуссиях по поводу судьбы старой номенклатуры в условиях постсоциалистической трансформации в странах бывшего СССР и государствах Центральной и Восточной Европы [1]. Однако другой, как представляется, более важный аспект элитного воспроизводства связан с устойчивостью социально-структурных (в частности, карьерных) характеристик элитных групп. Ш. Ривера отмечает, что второй, отличный от физического сохранения индивидов, аспект элитного воспроизводства касается «изменений (или преемственности) совокупных социальных характеристик элитного слоя» [2, р. 416]. В. П. Мохов пишет о социальной циркуляции элиты, имея в виду замену её «социального субстрата» [3, с. 13–14]. Р. Патнем, критикуя В. Парето, указывает, что классик «затемняет критическое различие между двумя совершенно разными типами циркуляции элиты – с одной стороны, взлётом и падением индивидов и, с другой, взлётом и падением социальных категорий» (последний он связывает с глубокими социально-экономическими изменениями). По словам Р. Патнема, «индивидуальная текучесть кадров, несомненно, важный вопрос... Но если инкубент и преемник в основном схожи, так что социальный состав элиты остаётся постоянным, мы вряд ли хотим говорить о трансформации элиты» [4, р. 168].

В общем, оба аспекта элитного воспроизводства необязательно подвержены одинаковым тенденциям: значительное персональное обновление властных групп может сопровождаться выраженным воспроизводством (устойчивостью) их социально-структурных (в частности, карьерных) характеристик. Это происходит, когда на место старых элитных персон приходят новые, но имеющие похожие характеристики источников рекрутирования.

Социально-структурное воспроизводство/трансформация элиты имеют большое значение, поскольку, во-первых, могут служить важным показателем устойчивости/изменчивости структуры социально-политической власти, лежащей в основе элитного рекрутирования. И в более широком плане – социально-исторического контекста, в котором формируется и функционирует элита. Во-вторых, поскольку характеристики социально-профессионального происхождения могут влиять на политическое поведение членов элиты, их устойчивость может вести к тому, что, несмотря на смену персонального состава,

«новая» элита, состоящая из других индивидов, но со сходными социальными характеристиками, будет склонна вести себя примерно так же, как и «старая».

Важно, что социально-структурное воспроизводство (устойчивость каналов рекрутирования) элиты тесно связано с процессом её институционализации. Как отмечает А. В. Дука, «под институционализацией... политической элиты... понимается процесс становления устойчивых механизмов её функционирования и воспроизводства. Последнее непосредственно связано с процессом вовлечения индивидов в активные политические роли, т. е. рекрутированием. Приобретение этим процессом устойчивости, некоторых стабильных форм может быть одним из индикаторов институционализации элит» [5, с. 91–92]. В этом смысле устойчивость в течение более или менее длительного времени источников рекрутирования элиты является важным показателем её институционализации.

Воспроизводство карьерных характеристик общенациональной административной элиты: обзор исследований

За рубежом, в развитых капиталистических демократиях проведены ди-ахронные исследования социально-профессиональных характеристик высокопоставленного чиновничества, которые показали наличие сложившихся и воспроизводящихся в течение длительного времени паттернов рекрутирования.

Так, к закрытому, гильдейскому способу рекрутирования тяготеют Япония и Италия [6, р. 70–72; 7, р. 24; 8; 9, р. 288–289; 10, р. 222–224; 11]. Для их административных элит характерны пожизненная занятость в одном министерстве и низкая межведомственная мобильность, а также незначительный приток в высшую министерскую бюрократию извне (из коммерческого сектора, политической сферы и пр.).

Иная ситуация в США: хотя карьерная гражданская служба здесь развита, и многие ключевые чиновники являются прямыми выходцами из федеральных исполнительных органов, их внешнее рекрутирование весьма распространено. Несмотря на смену президентов и индивидов, занимающих ключевые посты, бизнес и юридическая сфера довольно устойчиво выступают одними из основных источников рекрутирования чиновников, в то время как опыт работы в федеральной легислатуре стабильно имеет лишь небольшая его часть [12, р. 95; 13, р. 220]. Важную роль корпоративной сферы как поставщика администраторов обнаружили и исследования членов кабинета США за длительный период [14; 15].

Другая картина наблюдается в Германии и Великобритании. Хотя в начале карьеры многие будущие высшие чиновники заняты за пределами административной сферы и государственного сектора, более или менее непосредственное внешнее рекрутирование, например, из бизнеса, на ключевые бюрократические посты – редкость. Так, анализ за продолжительный исторический период (1900–1986 гг.) карьеры постоянных секретарей – важного сегмента административной элиты Великобритании – показал, что частный бизнес устойчиво играл лишь незначительную роль в качестве поставщика чиновников [16,

р. 135]¹. При этом в рассматриваемых странах значительна мобильность кадров между ведомствами. Однако в последние десятилетия межсекторная мобильность и рекрутирование в административную элиту извне бюрократического аппарата, в том числе из бизнеса, растут, а доля чиновников с непрерывными бюрократическими карьерами снижается [18, р. 54; 19, р. 25–29]. Так, анализ федеральной административной элиты ФРГ за 1970–1999 гг. выявил постепенное усиление значимости внешнего и ослабление внутреннего рекрутирования, которое, тем не менее, продолжало уверенно доминировать [20, р. 407]. Исследование карьеры британских чиновников обнаружило, что в течение 2000–х гг. их внутреннее рекрутирование только немного уменьшилось, продолжая явно преобладать (неслучайно автор пишет об «искусстве перемен без изменений») [21, р. 748].

Что касается федеральной административной элиты (далее – ФАЭ) России, то исследования динамики каналов рекрутирования в 2000–2010-е гг. таких её сегментов, как члены правительства и высокопоставленные чиновники администрации президента (далее – АП), также свидетельствуют об устойчивости ряда социально-профессиональных характеристик, несмотря на существенное персональное обновление. Так, милитаризация руководства АП остаётся значительной и не очень сильно вариативной в течение всего постелельцинского периода [22, с. 163] (здесь стоит добавить, что одно из исследований элиты федеральной исполнительной власти также показало, что на протяжении 2000-х гг. доля выходцев из силовых структур была высока при всех премьер-министрах [23, с. 73]). То же самое можно сказать и о плутократизации правительственной элиты (хотя доступ бизнесменов к министерским постам в основном косвенный) [24, с. 54–55; см. также: 25, с. 157]. При этом во всех постелельцинских кабинетах государственная служба выступает основным каналом рекрутирования, а наличие парламентского опыта характерно лишь для довольно небольшого, хотя и изменчивого, меньшинства министров [26, с. 198; 27, р. 913; 28, с. 110, 115]. Представляется, что относительная устойчивость этих и некоторых других социально-структурных особенностей рассматриваемых сегментов элиты тесно связана с воспроизводящимися базовыми характеристиками контекста их формирования и свидетельствует о том, что их институционализация в основном произошла.

Несмотря на значимость проведённых на российском материале исследований отдельных категорий ключевых федеральных чиновников, важный пробел состоит в том, что динамика каналов рекрутирования и, соответственно, карьерных характеристик общенациональной административной элиты в целом до сих пор не изучена. В настоящее время возможность её исследования связана с тем, что ранее, в 2013 году, были рассмотрены основные источники рекрутирования данной властной группы [29]. Выявление соответствующих показателей той

¹ Кстати, стабильно низкий приток выходцев из частного бизнеса показало и исследование институционального происхождения министерских директоров во Франции (в 1984–1994 гг.), которые в основном приходят из рядов гражданской службы [17, р. 70].

же группы по состоянию на текущий момент позволило бы провести сравнительный анализ и установить, насколько устойчивы её социально-профессиональные характеристики. Особенно интересен этот вопрос в связи с тем, что, как показало исследование 2020 г., большинство членов ФАЭ 2013 г. уже выбыло из её состава [30, с. 140] (к настоящему времени доля таких персон, вероятно, ещё больше). Поэтому важно понять, наблюдается ли в условиях значительного персонального обновления элиты, но при довольно стабильном (хотя и, в ряде отношений, существенно изменившемся в последние годы) общественно-политическом контексте её формирования, воспроизводство её основных каналов рекрутирования и, в этом смысле, насколько она институционализирована?

Данные и метод

Эмпирической основой исследования служат биографические базы данных ФАЭ России по состоянию на 2013 год (информация собиралась в ноябре–декабре) и 2024 год (информация собиралась в ноябре). В обоих случаях в состав элиты были включены президент РФ, основные должностные лица и начальники управлений его администрации, руководство аппарата Совета Безопасности, члены правительства РФ, заместители федеральных министров, руководители федеральных служб и агентств и их заместители, а также высшее руководство и директора департаментов аппарата правительства РФ. Состав административной элиты показан в таблице 1.

Таблица 1

Состав административной элиты в 2013 г. и в 2024 г., чел.

Административные органы	Число элитных персон	
	2013 год	2024 год
Президент	1	1
Администрация президента	66	68
Правительство	31	32
Аппарат правительства	44	58
Министерства	160	183
Федеральные службы и агентства	300	258
Всего, учитывая совмещение позиций в различных органах	575	577*

* Не удалось найти информацию о заместителях руководителя Главного управления специальных программ (ГУСП).

Метод исследования можно определить как структурно-биографический анализ, при котором социально-профессиональная структура ФАЭ изучалась с учётом биографии составляющих её персон [31, с. 158]. На каждого члена элиты была заполнена анкета, содержащая сведения о дате и месте рождения,

образовании и карьерном пути. Источниками данных служили официальные сайты органов власти, коммерческих и прочих организаций, материалы СМИ, биографические интернет-порталы и пр., а также сервис проверки и анализа российских юридических лиц и предпринимателей Rusprofile.

Основными социально-структурными, а точнее, карьерными характеристиками членов ФАЭ служили показатели наличия опыта работы в той или иной сфере в ходе профессионального пути, предшествующего занятию нынешней должности; позиция в данной сфере, непосредственно предшествующая и предшествующая нынешней должности, а также позиция, предшествующая первой элитной должности в федеральной администрации (далее – предэлитная должность). Кроме того, выявлялась доля чиновников, проработавших в той или иной сфере не менее половины своей постсоветской карьеры, предшествующей нынешней должности. Представляется, что сочетание этих показателей даёт возможность более или менее полно отразить роль различных каналов рекрутирования и, соответственно, социально-профессиональное происхождение федеральных чиновников. При этом в основном исследовалась занятость в трёх сферах: административной, политической и экономической, соответствующих основным фракциям властной элиты.

Результаты исследования

Динамика персонального состава федеральной административной элиты. Как показывает таблица 2, за 11 лет ФАЭ претерпела значительное персональное обновление: чуть более четверти индивидов, входивших в неё в 2013 году, сохранили членство в ней к концу 2024 года, причём лишь каждый седьмой остался на своей должности.

Таблица 2

*Доля членов федеральной административной элиты 2024 г.,
входивших в неё в 2013 г., в %*

Административные органы	Доля
Президент	100
Администрация президента	53
Правительство	44
Аппарат правительства	28
Министерства	16
Федеральные службы и агентства	24
Всего, учитывая совмещение позиций в различных органах	27

В значительной степени это, конечно, естественно-демографический процесс смены поколений, особенно учитывая то, что существует предельный возраст пребывания на государственной службе, который, впрочем, постепенно

увеличивается. В рассматриваемый период он составлял сначала 60 лет с возможностью продления до 70¹, а с 2016 года – 65 лет с такой же возможностью². Интересно, что, как показало исследование 2020 г., четверть чиновников 2013 г., которые к тому времени покинули свой пост, сделали это в 60 лет и старше, причём 8% в 65 лет и старше, а 2% – в 70 лет и старше [30, с. 139]. Во многих случаях отставка с элитной административной должности действительно объяснялась возрастом и/или выходом на пенсию.

Однако существенное значение имеют и другие факторы, в частности, устойчивость или, напротив, смена ключевых властных фигур. Согласно данным, представленным в таблице 2, в наибольшей степени воспроизводство членства в ФАЭ характерно для АП, где более половины нынешних деятелей состояли в этой властной группе в 2013 году, также для членов правительства (44%). Относительная устойчивость членства в ФАЭ наблюдается в федеральных органах исполнительной власти, которые подчинены президенту РФ: в соответствующих министерствах (Минобороны, МВД, МИД, Минюст, МЧС) 38% нынешних руководителей принадлежали к ФАЭ в 2013 году (против 16% руководства всех министерств). Напротив, наибольший приток новичков в ФАЭ характерен для органов, которые подчинены правительству, особенно для министерств (в основном экономических и социальных), где только 8% руководителей состояли в ФАЭ 2013 г. Видимо, тот факт, что президент занимает свой пост с 2012 года (тогда как председатель правительства сменился в 2020 году), оказал существенное стабилизирующее влияние на персональный состав непосредственно подчинённых ему сегментов федеральной администрации.

Говоря о выбытии из ФАЭ и, соответственно, её персональном обновлении, следует отметить, что, как показало исследование 2020 года (к этому времени ФАЭ 2013 г. покинули почти две трети её членов), чиновники довольно активно переходили в бизнес, включая крупные госкомпании, и реже – в региональные администрации (особенно на посты губернаторов) и федеральный парламент (включая высшие посты в нём) [30]. В этой связи можно предположить, что выбытие из ФАЭ нередко обусловлено как личной карьерной заинтересованностью (например, в получении более вознаграждаемых постов в коммерческой сфере или влиятельной губернаторской должности), так и стратегией президента и его ближайшего окружения, стремящегося поставить на командные высоты в различных важных институтах с целью укрепления контроля над ними (а, возможно, и обеспечения более компетентного руководства) своих доверенных лиц.

¹ Федеральный закон № 327 «О внесении изменения в статью 25.1 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»» от 30.12.2012 № 327-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140109/ (дата обращения: 17.12.2024).

² Федеральный закон № 143 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части увеличения пенсионного возраста отдельным категориям граждан» от 23.05.2016. № 143-ФЗ (последняя редакция). Ст. 4 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198199/ (дата обращения: 17.12.2024).

Наконец, нужно добавить, что в ряде случаев чиновники вынужденно покидали свой пост и выходили из состава ФАЭ в связи с возбуждением уголовного дела (и арестом). Наиболее ярким примером, пожалуй, служит бывший министр экономического развития А. В. Улюкаев. Впрочем, такие случаи редки: как показало исследование 2020 года, только 2% чиновников, которые к тому времени покинули свою должность, сделали это вследствие уголовного преследования и, в целом, 4% чиновников имели такие проблемы либо прямо перед отставкой, либо после неё [30, с. 139].

В общем, в силу ряда факторов, персональный состав ФАЭ сильно обновился: подавляющее большинство нынешних членов не состояло в ней в 2013 году. Что же произошло с карьерными характеристиками этой властной группы?

Особенности воспроизводства карьерных характеристик федеральной административной элиты

1. Федеральная администрация как канал рекрутирования элиты.

Можно выделить два типа рекрутирования членов ФАЭ в зависимости от проницаемости его каналов. При закрытом, так сказать, «внутреннем», рекрутировании доступ в ФАЭ становится результатом более или менее длительной восходящей карьеры в федеральных административных структурах, иногда в одном ведомстве. При открытом, «внешнем» рекрутировании возможно вхождение в элитную административную должность из других сфер деятельности (бизнеса, политики, науки) без продолжительной предшествующей работы на низших уровнях федерального административного аппарата. Для ФАЭ как в 2013 г., так и в 2024 г. весьма характерно внутреннее рекрутирование: должность в федеральных административных органах – важнейший (явно доминирующий) трамплин не только к нынешней, но и к предшествующей и первой элитной федеральной административной позиции. Причём, согласно данным из таблицы 3, несмотря на персональное обновление элиты, роль федеральной администрации как канала рекрутирования устойчиво велика: доля выходцев из неё по всем трём показателям мало изменилась с 2013 года, лишь немного увеличилась.

Таблица 3

*Занятость членов федеральной административной элиты 2013 г. и 2024 г. в федеральной администрации до вхождения в нынешнюю должность, в % **

Позиция	2013 год	2024 год
Предшествующая должность	78 (N=554)	79 (N=568)
Предпредшествующая должность	63 (N=541)	66 (N=548)
Предэлитная должность	67 (N=555)	70 (N=568)

*Здесь и далее по тексту в таблицах в скобках указан объём соответствующей совокупности.

Кроме того, показательно, что более трети (35%) чиновников 2024 года провели в федеральной администрации не менее половины своей предшествующей постсоветской карьеры, и лишь 14% не имели опыта работы в ней до вхождения в нынешнюю должность.

Более узкая бюрократическая профессионализация федеральных чиновников связана с наличием предшествующего опыта работы в том ведомстве, которым они ныне руководят. Это характерно для подавляющего большинства членов ФАЭ: например, в 2024 году 64% чиновников имели предшествующий опыт работы в своём ведомстве (либо в родственном – вышестоящем или подведомственном ему федеральном органе исполнительной власти). Более того, как в 2013 г., так и в 2024 г. в ряде ведомств преобладает «гильдейское» рекрутирование, при котором чиновники строят карьеру исключительно в рамках данного органа федеральной исполнительной власти. Ярким примером служит МИД: в 2013 году послевузовская карьера всех его руководителей проходила только в стенах данного министерства, а в 2024 году исключением из этой практики стал лишь один дипломат. Подобная ситуация стабильно наблюдается в ФСБ. Такая узкая профессионализация внутри одного ведомства усиливает сплочённость его руководителей, связанных друг с другом многолетней совместной работой, а также способствует формированию специализированной компетентности. Однако, с другой стороны, она может, укрепляя ведомственные интересы и лояльность, способствовать фрагментации административной элиты в целом [32]. Впрочем, подобная практика представляет собой скорее исключение. Как в 2013 г., так и в 2024 г. более распространена ситуация, когда в ходе карьеры элитная персона перемещается между разными органами федеральной административной власти (в частности, между исполнительной властью и администрацией президента).

В целом, говоря о «внутреннем» рекрутировании ФАЭ, нужно отметить, что оно служит как показателем, так и предпосылкой её автономии [в этой связи см.: 33, с. 40]. С одной стороны, относительная обособленность, закрытость элиты в плане рекрутирования, её способность отбирать своих членов скорее из рядов самого федерального чиновничества, чем из других, «внешних» властных групп (например, депутатов, бизнеса, региональных бюрократов), неудивительна, учитывая, что в России федеральная административная власть не просто обладает значительной самостоятельностью, но и явно доминирует во взаимоотношениях с другими институтами. Такая ситуация сложилась ещё в 2000-е гг., после прихода к власти В. В. Путина, и характерна как для первой половины 2010-х гг., так и, вероятно, даже в большей степени для настоящего времени, когда авторитарные тенденции усилились. Это (конечно, вместе с постоянной потребностью в чиновниках, компетентных в своей области управления, что тесно связано с наличием соответствующего административного опыта) способствует воспроизводству практики внутреннего рекрутирования ФАЭ. При этом такое рекрутирование и связанные с ним особенности профессиональной социализации чиновников могут, в свою очередь, усиливать их автономию,

поскольку повышают вероятность того, что они будут идентифицировать себя с самой федеральной администрацией, а не с внешними по отношению к ней группами, соответствующим образом формулируя свои интересы и выстраивая политическое поведение.

2. Силловые структуры как канал рекрутирования элиты. Учёные, эксперты и журналисты много писали о роли силовиков в российской политике и в составе элиты в период правления В. В. Путина [34; 35]. Некоторые авторы даже использовали термины, призванные подчеркнуть существующую, по их мнению, гегемонию силовиков, такие как «милитократия» [См., напр.: 36]. Как показывают сравнительные данные нынешнего исследования (см. табл. 4), общая доля выходцев из силовых структур (включая тех, кто получил образование в вузах при силовых ведомствах) в составе ФАЭ является значительной и устойчивой, составляя, как в 2013 году, так и в 2024 году, примерно треть.

Таблица 4

*Занятость членов федеральной административной элиты 2013 г. и 2024 г.
в силовых структурах до вхождения в нынешнюю должность, в %*

Показатель	2013 год	2024 год
Наличие опыта работы	34 (N=575)	32 (N=577)
Предшествующая должность	17 (N=554)	16 (N=568)
Предпредшествующая должность	17 (N=541)	17 (N=548)
Предэлитная должность	18 (N=555)	17 (N=568)

Причём предшествующий опыт работы в органах госбезопасности (КГБ и его преемниках) в 2024 году имели 8% администраторов, что немного меньше, чем в 2013 году (10%). Из таблицы 4 мы видим также, что, как в 2013 году, так и в 2024 году, примерно у каждого шестого федерального чиновника в силовых структурах была предшествующая, предпредшествующая и предэлитная позиция. При этом примерно каждый пятый провёл в силовых структурах не менее половины предшествующей постсоветской карьеры.

В целом, значительность присутствия персон с опытом работы в силовых структурах в ФАЭ неудивительна, учитывая, что в системе федеральных органов исполнительной власти довольно много (15) силовых ведомств, в которых в основном и сосредоточены такие индивиды. Впрочем, они есть и в других органах. Так, в 2024 году примерно каждый пятый ключевой чиновник экономических министерств (заметный рост с 2013 года, когда было 9%) и каждый восьмой руководитель социальных министерств (в 2013 году было несколько меньше – 9%) имел соответствующий опыт. В частности, ныне силовиков довольно много в таких гражданских органах, как Минстрой, Минпромторг

и Росимущество (по трое). Напротив, доля членов правительства РФ с опытом работы в силовых структурах снизилась с 23 до 16%. При этом доля выходцев из силовых структур в руководстве АП, напротив, возросла (с 36 до 41%). В общем, как видим, присутствие силовиков в ряде административных органов за пределами силового блока заметно увеличилось, хотя общая их доля в составе ФАЭ осталась прежней.

Говоря о факторах милитаризации элиты, следует отметить, что на административных должностях, особенно в условиях автократии, могут быть востребованы такие, обусловленные особенностями профессиональной социализации в рамках жёстких, централизованных иерархий, качества силовиков, как дисциплинированность и исполнительность, привычка беспрекословно выполнять приказы начальства. Усиление авторитарных тенденций (а также вовлечённость РФ в конфликт с Украиной) в последние годы, вероятно, способствовало росту спроса на таких чиновников. Особенности карьеры нынешнего президента РФ, ранее работавшего в КГБ и в дальнейшем директором ФСБ РФ, также благоприятствовали притоку силовиков в элиту, что может быть обусловлено как важной ролью личных связей, сложившихся во время совместной работы в прошлом, так, возможно, и особым доверием главы государства к выходцам из своей профессиональной среды, убеждённости в их компетентности и лояльности. Однако по мере смены поколений в элите и выбытия старых кадров влияние давних связей с президентом по КГБ на состав элиты должно снижаться. Значительный приток силовиков в гражданские ведомства отчасти может быть связан и с особенностями занятости в силовых структурах, а именно сравнительно ранним выходом на пенсию по выслуге лет, оставляющим возможности для второй карьеры в других сферах. Кроме того, важно то, что приоритетность в политической повестке вопросов обороны и безопасности, особенно выраженная в последние годы, в условиях СВО, создаёт и повышает спрос на соответствующих «специалистов по управлению насилием» (стоит отметить, что в некоторых случаях выходцы из силовых структур в гражданских ведомствах отвечают именно за эти вопросы). Наконец, в последние годы власти прилагают целенаправленные усилия по рекрутированию в органы политико-административной власти военнотружущих, принимавших участие в СВО [37, с. 80–82]. Однако прошло ещё слишком мало времени, чтобы этот фактор мог существенно сказаться на составе ФАЭ в направлении повышения доли силовиков, поскольку быстрые элитные административные карьеры всё же довольно редки. Пожалуй, пока единственный случай такого рекрутирования в нынешнюю элиту – это А. В. Жога, который после девяти лет службы в воинских формированиях ДНР и в ВС РФ в течение года возглавлял Народный совет ДНР, а затем был назначен полномочным представителем президента РФ в УФО.

3. Региональная администрация как канал рекрутирования элиты.

Как видно из таблицы 5, доля выходцев из региональной администрации, в том числе непосредственных, тоже не претерпела больших изменений между 2013 г. и 2024 г., лишь немного увеличилась.

Таблица 5

Занятость членов федеральной административной элиты 2013 г. и 2024 г. в региональной администрации до вхождения в нынешнюю должность, в %

Показатель	2013 год	2024 год
Наличие опыта работы в постсоветский период	19 (N=575)	21 (N=577)
Предшествующая должность	6 (N=554)	7 (N=568)

Если говорить об отдельных сегментах ФАЭ, то доля региональных чиновников в составе правительства осталась почти прежней (41% вместо 42%), а среди руководства АП повысилась (с 15 до 19%). Стоит отметить, что среди элиты 2024 года было 14 персон, которые на момент вхождения в нынешнюю должность занимали пост губернатора. Централизация власти в период правления В. В. Путина, а также формирование доминирующей партии «Единая Россия» отчасти благоприятствовали движению кадров с регионального уровня на федеральный (и обратно) [38], и в этом плане ситуация за 11 лет принципиально не изменилась.

Приток в общенациональную элиту чиновников исполнительных органов субъектов РФ, в принципе, способствует лучшему пониманию федеральными администраторами особенностей региональных условий и интересов и облегчает их взаимодействие с региональными властями. Однако присутствие выходцев из администраций различных регионов в ФАЭ весьма неравномерно. В таблице 6 представлены субъекты РФ, из исполнительной власти которых чаще всего приходили федеральные чиновники в 2013 г. и 2024 г.

Таблица 6

Число членов федеральной административной элиты, работавших в администрациях некоторых субъектов РФ в 2013 г. и 2024 г., чел.

2013 год		2024 год	
Субъект РФ	Количество	Субъект РФ	Количество
Санкт-Петербург	22	Москва	14
Москва	11	Московская область	11
Московская область	8	Санкт-Петербург	11
Красноярский край	6	Республика Татарстан	9
Нижегородская область	5	Чеченская Республика	7

Мы, в частности, видим, что если в 2013 году с большим отрывом лидировала исполнительная власть Санкт-Петербурга, то в 2024 году на первое место вышла мэрия Москвы. Значимость администрации Петербурга как канала рекрутирования ФАЭ неувидительна, учитывая, что В. В. Путин, занимающий пост президента РФ с 2012 года, в 1990-е гг. довольно длительное время работал в мэрии этого города (соответствующий опыт работы имел и третий президент РФ Д. А. Медведев). Но, как представляется, значение этого фактора

может постепенно уменьшаться, по мере старения и естественного выбытия из элиты кадров, работавших в 1990-е годы вместе с будущим президентом. В то же время важная роль мэрии Москвы как поставщика федеральных элитных кадров видится более устойчивой, так сказать, структурно обусловленной. Этот город, с точки зрения численности населения, намного превосходит другие регионы, а также играет ведущую роль в российской экономике, что способствует особой влиятельности его администрации (прежде всего, мэра, который, кстати, по роду своей предшествующей занятости – он возглавлял АП – тесно связан с федеральной властью), в том числе в области федеральной кадровой политики. Кроме того, важно, что в Москве, как столице РФ, размещены общенациональные органы власти, и пространственная близость столичных и федеральных властей способствует тесному взаимодействию их чиновников, формированию знакомств и связей между ними, что облегчает обмен кадрами.

4. Федеральный парламент как канал рекрутирования элиты. Согласно данным таблицы 7, в 2024 г., как и в 2013 г., федеральный парламент служил сугубо второстепенным, даже, можно сказать, маргинальным каналом рекрутирования ФАЭ.

Таблица 7

Членство федеральной административной элиты 2013 г. и 2024 г. в постсоветских представительных органах до вхождения в нынешнюю должность, в %

Показатель	2013 год	2024 год
Наличие опыта членства	8 (N=575)	6 (N=577)
<i>В т. ч.</i>		
СФ	1	1
ГД	4	2
ФС в целом	5	3
Предшествующая должность	2 (N=554)	2 (N=568)
<i>В т. ч.</i>		
СФ	<0,5	<0,5
ГД	1	1
ФС в целом	2	1
Предпредшествующая должность	3 (N=541)	2 (N=548)
<i>В т. ч.</i>		
СФ	<0,5	<0,5
ГД	2	1

Показатель	2013 год	2024 год
ФС в целом	2	1
Предэлитная должность	4 (N=555)	2 (N=568)
<i>В т. ч.</i>		
СФ	1	<0,5
ГД	3	1
ФС в целом	3	2

Мы видим, что показатели схожи: доля федеральных чиновников, имеющих опыт работы в ФС, лишь немного снизилась, опустившись до минимума. Персоналистская автократия, которая сложилась к середине 2000-х гг. и продолжает функционировать поныне, характеризуется сверхконцентрацией власти в руках президента, тогда как Федеральное собрание (ФС) играет полудекоративную роль и контролируется главой государства посредством пропрезидентской партии «Единая Россия». В условиях, когда подотчётность исполнительной власти федеральной легислатуре в основном номинальна, неудивительна её слабая роль в качестве поставщика ключевых чиновников. При этом снижению значимости ФС как канала рекрутирования может способствовать выбытие из ФАЭ некоторых чиновников с депутатским опытом, впервые занявших высокие административные посты ещё в 1990-е – первой половине 2000-х гг., когда парламент играл более самостоятельную роль. В качестве примера можно привести И. Ю. Артемьева, который был депутатом ГД, членом фракции «Яблоко» в 1999–2003 гг., а затем, в 2004–2020 гг. возглавлял Федеральную антимонопольную службу.

Впрочем, значение легислатуры как канала рекрутирования различных сегментов ФАЭ варьируется. Примечательно, что доля выходцев из ФС в правительстве (которое во многих странах, прежде всего с парламентскими демократиями, состоит преимущественно из бывших депутатов) снизилась до минимума (с 16% в 2013 г. до 3% в 2024 г.). Что касается АП, то, как в 2013 г., так и в 2024 г., распространённость опыта членства в ФС в этом влиятельном органе оказалась заметно шире, чем в ФАЭ в целом, и даже несколько выросла (с 9 до 12%). В отличие от правительства, играющего в России в основном «техническую» роль, АП доминирует в выработке внутренней политики, что может повышать востребованность в ней политических навыков (опыта избирательной и партийной борьбы) депутатов. В этом смысле показательно, что нынешний заместитель главы АП по внутренней политике С. В. Кириенко имеет, пусть и непродолжительный, опыт работы в ГД, а также занимал ряд других политических позиций, будучи депутатом областного совета, помощником депутата ГД, одним из руководителей «Союза правых сил» и лидером движения «Новая сила».

5. Бизнес как канал рекрутирования элиты. В 2024 г., как и в 2013 г., бизнес служил самым важным каналом рекрутирования ФАЭ за пределами административной сферы. Однако доля чиновников с постсоветским опытом работы на ключевых позициях¹ в коммерческих организациях заметно снизилась (с 31 до 24%). Из таблицы 8 видно, что в большинстве случаев выходцы из бизнеса имели лишь косвенный доступ в элиту, при этом значимость позиций в коммерции как ключевых, так и других, как трамплина к нынешней, предшествующей и первой элитной должностям в федеральной администрации мало изменилась, впрочем, также немного снизилась.

Таблица 8

Занятость членов федеральной административной элиты 2013 г. и 2024 г. в постсоветских коммерческих организациях до вхождения в нынешнюю должность, в %

Позиция	2013 год	2024 год
Предшествующая должность	7 (N=554)	6 (N=568)
Предпредшествующая должность	13 (N=541)	10 (N=548)
Предэлитная должность	10 (N=555)	9 (N=568)

Стабильной оказалась доля чиновников, в предшествующей постсоветской карьере которых занятость в бизнесе доминировала, составляя не менее половины (16% в 2013 г. и 15% в 2024 г.).

Как в 2013 г., так и в 2024 г., доля выходцев из бизнеса варьировалась в различных сегментах ФАЭ. Устойчивой тенденцией является то, что лица с опытом работы в коммерческой сфере чаще всего обнаруживаются в экономических министерствах, и гораздо реже в социальных и силовых. Именно в министерствах, ответственных за регулирование экономики, специфические компетенции бизнесменов, а также их связи и авторитет в деловом сообществе востребованы сильнее всего. Кроме того, в занятии постов в этих ведомствах, непосредственно влияющих на накопление капитала, на функционирование компаний, наиболее заинтересованы сами коммерсанты. Наконец, министерства экономического блока теснее всего взаимодействуют с компаниями, что способствует складыванию знакомств и связей между чиновниками и топ-менеджерами, облегчающих обмен кадрами. Впрочем, богатый управленческий опыт, которым обладают многие руководители фирм, может быть, конечно, ценен и на административных постах за пределами экономических ведомств.

¹ К ключевым были отнесены должности генеральных директоров, президентов, председателей правления, их заместителей, директоров по направлениям, членов советов директоров, а также индивидуальных предпринимателей.

Впрочем, с 2013 года доля выходцев с ключевых позиций в бизнесе в экономических министерствах несколько снизилась (с 56 до 46%), при этом резкое сокращение доли таких чиновников произошло в социальных министерствах (с 28 до 7%), а в силовых министерствах их, напротив, стало значительно больше (с 5 до 28%). Особое внимание обращает на себя колонизация бывшими бизнесменами руководящих позиций в Министерстве обороны. Заместителем министра обороны в 2018 году был назначен А. Ю. Криворучко, ранее занимавший ключевые позиции в ОАО «АвтоВАЗ», АО Концерн «Калашников», а также входивший в совет директоров частной компании «Трансмашхолдинг», принадлежащей И. К. Махмудову и А. Р. Бокареву. Другим заместителем главы военного ведомства в 2024 году стала А. Е. Цивилева, ранее возглавлявшая совет директоров компании «Колмар Груп». Вообще, нужно отметить, что в условиях СВО тесная связь между бизнесом и Вооружёнными Силами приобретает особое значение. Что касается таких важнейших административных органов, как правительство и, особенно, АП, то доля выходцев с ключевых позиций в бизнесе в них снизилась (соответственно, с 52 до 47% и с 32 до 21%).

Компании, из которых приходят чиновники, варьируются по своим характеристикам. В элите 2024 года 5% индивидов в ходе предшествующей карьеры занимали ключевые посты в крупнейших фирмах (входивших на момент соответствующей занятости в рейтинг журнала «Эксперт»), за исключением случаев членства в советах директоров в качестве представителей государства. Этот показатель мало изменился с 2013 года, когда он составлял 4%. Если же учитывать занятость на любых постах в крупном бизнесе, то такой опыт имели 12% членов нынешней элиты (а если включать и случаи работы в фирмах, зависящих от крупных компаний – дочерних и пр., то доля возрастёт до 16%).

Важно отметить, что за период с 2013 г. по 2024 г. заметные изменения произошли в соотношении форм собственности компаний, из которых непосредственно приходят чиновники. Если ранее позиции в компаниях частного и государственного секторов почти в равной мере служили трамплином к нынешней должности, то в настоящее время госсектор стал явно доминировать (занятость в нём встречается в 3,5 раза чаще). Предпредшествующая и предэлитная занятость в компаниях госсектора в 2024 году также преобладает, хотя и несколько менее выражено. Показателен и список бизнес-структур, из которых вышло наибольшее число ключевых федеральных чиновников. В 2024 году это были только государственные компании («РЖД», «Россельхозбанк», «Ростелеком», «Россети», «ВТБ», «Аэрофлот» и пр.), тогда как в 2013 году в лидерах была также и частная структура – «Норильский никель». Кроме того, в 2013 году в ФАЭ было по несколько выходцев из таких частных корпораций, как «Менатеп», «Альфа-групп», «Северсталь», «ЮКОС», «Лукойл» (тогда как в 2024 году – только из «Норильского никеля» и «Мегафона»).

Вообще, в сравнении с частными бизнесменами, менеджеры госкомпаний могут иметь систематические преимущества в плане рекрутирования на административные посты, поскольку обычно теснее взаимодействуют с публичной

бюрократией, что способствует формированию у них политико-административных компетенций, а также знакомств и связей с чиновниками, облегчающих обмен кадрами. Также госкомпании, особенно монополии, по характеру своего функционирования довольно сходны с административными органами, что облегчает адаптацию их менеджеров в административной сфере. Кроме того, менеджеры госкомпаний могут считаться предпочтительными (в сравнении с представителями частного капитала) кандидатами на административные посты в экономических ведомствах, поскольку профессионально социализированы как проводники «государственного интереса» в коммерческой сфере.

Говоря о динамике соотношения форм собственности компаний, из которых приходят чиновники, нужно отметить, что снижение значимости частного бизнеса (прежде всего крупного), как канала их рекрутирования мог обуславливать ряд факторов. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. крупнейшие частные, «олигархические» структуры оказывали особенно сильное влияние на политическую жизнь, включая и кадровую политику на федеральном уровне, и постепенное выбытие из ФАЭ чиновников, впервые занявших видные административные посты в то время, может способствовать сокращению доли выходцев из частного бизнеса. Так, например, к 2024 году из ФАЭ выбыли такие деятели, ранее работавшие в «Альфа-банке» (который до недавнего времени контролировался П. О. Авеном и М. М. Фридманом), как О. М. Говорун и В. Ю. Сурков. Кроме того, следует учесть, что такие обстоятельства последних лет, как санкции против РФ, ужесточение контроля над движением капиталов, национализация ряда компаний, усиление значимости в условиях СВО в политической повестке вопросов безопасности и обороны в сравнении с задачами привлечения инвестиций и экономического роста (в отраслях, непосредственно не связанных с ВПК), могли способствовать ослаблению (экономическому и политическому) крупного частного бизнеса. Наконец, значительное влияние на состав ФАЭ в целом оказал тот факт, что в правительстве М. В. Мишустина, впервые сформированном в 2020 году, особенно много выходцев из крупнейших государственных (но не частных) фирм («ВТБ», «Аэрофлот», «Россельхозбанк», «Ростелеком» и пр.), и эти министры в свою очередь продвигали на нижестоящие элитные посты (прежде всего, заместителей министров) бывших коллег по бизнесу.

Заключение

Исследование позволило сделать ряд выводов о тенденциях воспроизводства карьерных характеристик федеральной административной элиты в период с 2013 г. по 2024 г.

Хотя в персональном плане элита в целом преимущественно обновилась, её социально-структурные, а точнее карьерные характеристики демонстрируют устойчивость. Довольно стабильны такие показатели профессионального происхождения чиновничества, как уровень милитаризации и доля выходцев из федеральной и региональной администраций. Федеральный парламент, как

и прежде, играет незначительную роль в качестве поставщика администраторов, мало изменилась и доля прямых выходцев из бизнеса. В целом, можно говорить о более или менее сложившемся паттерне рекрутирования ФАЭ в период правления В. В. Путина, что свидетельствует об институционализации рассматриваемой властной группы. Этот паттерн отличается как от ситуации, наблюдаемой в странах с гильдейским рекрутированием (меньшей распространённостью чисто административных и внутриведомственных карьер), так от характерной для США практики «вращающихся дверей» между федеральной администрацией и частным сектором (меньшей открытостью для прямых выходцев из бизнеса).

Социально-структурному воспроизводству элиты способствовала стабильность основополагающих характеристик общественно-политического контекста её формирования, во многом определяющего возможности элитной карьеры, доступность и привлекательность властных позиций. Такие его особенности, как персоналистская автократия со сверхконцентрацией власти в руках президента, слабой легислатурой и влиятельными силовыми структурами, централизованный федерализм, доминирование федеральной власти во взаимоотношениях с бизнесом и другими властными институтами, имели место в 2010-е гг. и наблюдаются ныне. Важную роль также сыграло и то, что основным механизмом персонального обновления элиты стал приток в неё выходцев из околоэлитных групп федеральных чиновников (например, директора департаментов министерств становились заместителями министров), которые были похожи по карьерным характеристикам на своих предшественников.

Вместе с тем произошли и некоторые изменения карьерных характеристик. Во-первых, при общей тенденции к воспроизводству, в отдельных сегментах элиты заметны сдвиги в плане профессионального происхождения. Среди них рост присутствия силовиков и падение доли выходцев из бизнеса в АП, усиление притока из коммерческой сферы в силовые ведомства и снижение доли бывших парламентариев в правительстве.

Во-вторых, даже если говорить об ФАЭ в целом, то изменения ряда параметров её профессионального происхождения существенны. Прежде всего, это касается плутократизации: доля чиновников с общим опытом работы на ключевых позициях в бизнесе заметно снизилась, а также ослабла роль постов в частных фирмах и увеличилось значение должностей в госкомпаниях как прямого трамплина к ключевым административным позициям. Кроме того, легислатура стала играть ещё более скромную (можно сказать, минимальную) роль в качестве поставщика элиты. В какой-то мере эти тенденции могут быть связаны с постепенным выбытием из элиты относительно старых кадров, впервые занявших видные административные позиции в конце 1990-х – первой половине 2000-х гг., когда частный бизнес и легислатура были более влиятельны. Притоку выходцев из госсектора в элиту отчасти способствовало и назначение министрами в правительстве М. В. Мишутина ряда глав госкомпаний, которые затем продвигали на нижестоящие административные посты своих коллег

по бизнесу. В то же время нельзя игнорировать и роль существенных изменений политико-экономического контекста в связи с СВО и санкциями против РФ. В принципе, они могут вести к упрочению позиций силовиков (и дальнейшей милитаризации элиты) и ослаблению частного бизнеса. Представляется, однако, что пока ещё прошло недостаточно времени, чтобы эти сдвиги значительно повлияли на состав ФАЭ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES.

1. Szelényi I., Szelényi S. Circulation or reproduction of elites during the post-communist transformation of Eastern Europe: introduction // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24, № 5. P. 615–638. DOI [10.1007/BF00993400](https://doi.org/10.1007/BF00993400). EDN [RVSGCU](#).
2. Rivera S. W. Elites in post-communist Russia: a changing of the guard // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52, № 3. P. 413–432. DOI [10.1080/713663069](https://doi.org/10.1080/713663069). EDN [LMDGQB](#).
3. Мохов В. П. Циркуляция элит: проблема критериев процесса // *Власть и элиты*. 2014. Т. 1. С. 8–18. EDN [XIEMQB](#). [Mokhov V. P. The circulation of elites: problem of the criteria of the process. *Power and elites=Vlast' i jelity*. 2014;(1):8–18. (In Russ.)].
4. Putnam R. D. The comparative study of political elites. Englewood Cliffs, N. J. : Prentice-Hall, 1976. 246 p. ISBN 0-13-154195-1.
5. Дука А. В. Стабилизация в условиях неопределённости: институционализация региональных элит // *Pro Nunc. Современные политические процессы*. 2006. Т. 7, № 4. С. 86–100. EDN [OUVTHX](#). [Duka A. V. Stabilization in conditions of uncertainty: institutionalization of regional elites [Stabilizacija v uslovijah neopredelennosti: institucionalizacija regional'nyh elit]. *Pro Nunc. Contemporary political processes=Pro Nunc. Sovremennye politicheskie process*. 2006;7(4):86–100. (In Russ.)].
6. Aberbach J. D., Putnam R. D., Rockman B. A. Bureaucrats and politicians in western democracies. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 1981. 322 p. ISBN 978-0-674-08625-8.
7. Brown Jr. J. R. The ministry of finance: bureaucratic practices and the transformation of the Japanese economy. Westport; Connecticut; London: Quorum Books, 1999. 288 p. ISBN 978-1-567-20230-4.
8. Cassese S. Italy's senior civil service: an ossified world // *Bureaucratic elites in Western European states. A comparative analysis of top officials* / Eds. E. C. Page, V. Wright. Oxford : Oxford University Press, 1999. P. 55–64. DOI [10.1093/0198294468.003.0004](https://doi.org/10.1093/0198294468.003.0004).
9. Koh B. C. Stability and change in Japan's higher civil service // *Comparative Politics*. 1979. Vol. 11, № 3. P. 279–297. DOI [10.2307/421823](https://doi.org/10.2307/421823).
10. Lewanski R., Toth F. The Italian civil service system // *Civil service systems in Western Europe, second Edition* / Ed. F. M. Van der Meer. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. P. 217–241. DOI [10.4337/9781781000939.00013](https://doi.org/10.4337/9781781000939.00013).
11. Schmidt C. Japan's circle of power: legitimacy and integration of a national elite // *ASIEN – The German Journal on Contemporary Asia*. 2005. Vol. 96. P. 46–67.
12. Mann D. E. The selection of federal political executives // *American Political Science Review*. 1964. Vol. 58, № 1. P. 81–99. DOI [10.2307/1952757](https://doi.org/10.2307/1952757).
13. Mann D. E., Smith Z. A. The selection of U.S. cabinet officers and other political executives // *International Political Science Review*. 1981. Vol. 2, № 2. P. 211–234. DOI [10.1177/019251218100200206](https://doi.org/10.1177/019251218100200206). EDN [JMPZCB](#).
14. Freitag P. J. The cabinet and big business: a study of interlocks // *Social Problems*. 1975. Vol. 23, № 2. P. 137–152. DOI [10.2307/799652](https://doi.org/10.2307/799652).

15. Gill T. M. The persistence of the power elite: presidential cabinets and corporate interlocks, 1968–2018 // *Social Currents*. 2018. Vol. 66, № 1. P. 128–144. DOI [10.1177/2329496518797857](https://doi.org/10.1177/2329496518797857).
16. Theakston K, Fry G. K. Britain's administrative elite: permanent secretaries 1900–1986 // *Public Administration*. 1989. Vol. 67, № 2. P. 129–147. DOI [10.1111/j.1467-9299.1989.tb00718.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.1989.tb00718.x).
17. Rouban L. The senior civil service in France // *Bureaucratic elites in Western European states: A comparative analysis of top officials* / Eds. E. C. Page, V. Wright. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 65–89. DOI [10.1093/0198294468.003.0005](https://doi.org/10.1093/0198294468.003.0005).
18. Goetz K. H. The development and current features of the German civil service system // *Civil service systems in Western Europe, second Edition* / Ed. F. M. Van der Meer. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. P. 37–65. DOI [10.4337/9781781000939](https://doi.org/10.4337/9781781000939).
19. Greer S. L., Jarman H. The British civil service system // *Civil service systems in Western Europe, second Edition* / Ed. by F. M. Van der Meer. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. P. 13–35. DOI [10.4337/9781781000939.00006](https://doi.org/10.4337/9781781000939.00006).
20. Derlien H-U. Mandarins or managers? The bureaucratic elite in Bonn, 1970 to 1987 and beyond // *Governance: An International Journal of Policy and Administration*. 2003. Vol. 6, № 3. P. 401–428. DOI [10.1111/1468-0491.00222](https://doi.org/10.1111/1468-0491.00222). EDN ETMRHN.
21. Talbot C. The British administrative elite. The art of change without changing? // *Revue française d'administration publique*. 2014. № 151-152. P. 741–761. DOI [10.3917/rfap.151.0741](https://doi.org/10.3917/rfap.151.0741).
22. Тев Д. Б. Высокопоставленные чиновники Администрации Президента РФ: каналы рекрутирования и карьера // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2020. Т. 23, № 3. P. 153–187. DOI [10.31119/jssa.2020.23.3.7](https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.7). EDN LOLGQW. [Tev D. B. Senior officials of the Presidential Administration of Russia: recruitment channels and career. *The Journal of Sociology and Social Anthropology=Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2020;23(3):153–187. (In Russ.). DOI [10.31119/jssa.2020.23.3.7](https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.7)].
23. Воронкова О. А., Сидорова А. А., Крыштановская О. В. Российский истеблишмент: пути и методы обновления // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 1. С. 66–79. EDN NCPECN. [Voronkova O. A., Sidorova A. A., Kryshchanovskaya O. V. Russian establishment: ways and methods of renewal. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2011;(1):66–79. (In Russ.)].
24. Тев Д. Б. Бизнес как источник рекрутирования членов Правительства РФ в 2000–2021 гг. // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2022. Т. 25, № 4. С. 46–78. DOI [10.31119/jssa.2022.25.4.3](https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.3). EDN HYVZFQ. [Tev D. B. Business as a source of recruitment of members of the Russian Federal Government in 2000–2021. *The Journal of Sociology and Social Anthropology=Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2022;25(4):46–78. (In Russ.). DOI [10.31119/jssa.2022.25.4.3](https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.3)].
25. Покатов Д. В. Российская политическая элита: особенности и направления изменений базовых показателей в современных условиях // *Социально-гуманитарные знания*. 2024. № 12. С. 155–158. EDN MOYOFB. [Pokatov D. V. The Russian political elite: features and directions of changes in basic indicators in modern conditions *Social and humanitarian knowledge=Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2024;(12):155–158. (In Russ.)].
26. Тев Д. Б. Федеральное собрание как канал рекрутирования правительственной элиты России // *Политическая наука*. 2024. № 3. С. 185–210. DOI [10.31249/poln/2024.03.08](https://doi.org/10.31249/poln/2024.03.08). EDN NERVYX. [Tev D. B. The Federal Assembly as a channel of recruitment of the Russian government elite. *Political science (RU=Politicheskaja nauka*. 2024;(3):185210. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2024.03.08](https://doi.org/10.31249/poln/2024.03.08)].

27. *Semenova E.* Ministerial and parliamentary elites in an executive-dominated system: post-Soviet Russia 1991–2009 // *Comparative Sociology*. 2011. Vol. 10, № 6. P. 908–927. DOI [10.1163/156913311X607629](#). EDN [PLFJTZ/](#)
28. *Заранкин И. А.* Сравнительный анализ моделей и факторов рекрутирования министров правительств Российской Федерации и Французской Республики : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Заранкин Илья Александрович ; науч. рук. О. В. Гаман-Голутвина; РУДН. Москва, 2018. 194 с. [Zarankin I. A. Comparative analysis of models and factors of recruitment of ministers of the governments of the Russian Federation and the French Republic. Dissertation for the degree of candidate of political sciences. Moscow; 2018. 194 p. (In Russ.)].
29. *Тев Д. Б.* Федеральная административная элита: карьерные пути и каналы рекрутирования // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 115–130. DOI [10.17976/jpps/2016.04.10](#). EDN [WEBMZF](#). [Tev D. B. Federal administrative elite of Russia: career paths and channels of recruitment. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovanija*. 2016;(4):115–130. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2016.04.10](#)].
30. *Тев Д. Б.* Федеральная административная элита России: особенности карьеры после ухода с должности // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 1. С. 130–146. DOI [10.17976/jpps/2023.01.10](#). EDN [BBGNON](#). [Tev D. B. Federal administrative elite of Russia: features of a career after leaving office. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovanija*. 2023;(1):130–146. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2023.01.10](#)].
31. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации / А. С. Быстрова, А. В. Дука, Н. В. Колесник, А. В. Невский, Д. Б. Тев // *Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / Отв. ред. И. И. Елисеева*. СПб. : Нестор-История, 2008. С. 99–243. EDN [YMHGUO](#). [Bystrova A. S., Duka A. V., Kolesnik N. V., Nevskij A. V., Tev D. B. Russian Regional elites: innovation potential in the context of globalization. In: I. I. Eliseeva, ed. *Globalization in Russian society: collection of scientific works*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2008. P. 99–242. (In Russ.)].
32. *Huskey E.* Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43, № 4. P. 363–372. DOI [10.1016/j.postcomstud.2010.10.004](#). EDN [OLSLUF](#).
33. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон ; пер. с англ. В. Р. Рокитянского. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 480 с. ISBN 5-89826-194-X. EDN [QODDDF](#). [Huntington S. *Political order in changing societies* [Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah]. Moscow: Progress-Tradiciya; 2004. 480 p. (In Russ.). ISBN 5-89826-194-X].
34. *Renz B.* Putin's militocracy? An alternative interpretation of siloviki in contemporary Russian politics // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58, № 6. P. 903–924. DOI [10.1080/09668130600831134](#). EDN [MJLVGZ](#).
35. *Rivera D. W., Rivera S. W.* Is Russia a militocracy? Conceptual issues and extant findings regarding elite militarization // *Post-Soviet Affairs*. 2014. Vol. 30, № 1. P. 27–50. DOI [10.1080/1060586X.2013.819681](#). EDN [SPFLEL](#).
36. *Kryshtanovskaya O., White S.* Putin's militocracy // *Post-Soviet Affairs*. 2004. Vol. 19, № 4. P. 289–306. DOI [10.2747/1060-586X.19.4.289](#). EDN [LHWURH](#).
37. *Быстрова А. С.* Губернаторы и члены региональных правительств: карьерные траектории высших представителей исполнительной власти субъектов Российской Федерации // *Власть и элиты*. 2024. Т. 11, № 4. С. 45–100. DOI [10.31119/re.2024.11.4.3](#). EDN [MKJFKG](#). [Bystrova A. S. Governors and members of regional governments: senior officials of the executive authorities career trajectories (the subjects

of the Russian Federation). *Power and elites=Vlast' i elity*. 2024;11(4):45–100. (In Russ.). DOI [10.31119/pe.2024.11.4.3](https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.3)].

38. Semenova E. The patterns of political career movements in the Russian Federation: the case of regional governors, 1991–2021 // *Regional & Federal Studies*. 2023. DOI [10.1080/13597566.2022.2155811](https://doi.org/10.1080/13597566.2022.2155811).

Сведения об авторе

Д. Б. Тев

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: [6278-5841](https://orcid.org/0000-0001-5442-7585)

Статья поступила в редакцию 18.02.2025; одобрена после рецензирования 01.03.2025; принята к публикации 17.03.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.2.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.4)

FEDERAL ADMINISTRATIVE ELITE OF RUSSIA: FEATURES OF REPRODUCTION OF CAREER CHARACTERISTICS

Denis Borisovich Tев

Sociological Institute of FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russia,
denis_tev@mail.ru,
ORCID [0000-0001-5442-7585](https://orcid.org/0000-0001-5442-7585)

For citation: Tев D. B. Federal administrative elite of Russia: features of reproduction of career characteristics. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(2):67–89. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.2.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.4).

Abstract. The article considers the dynamics of career characteristics of the Russian federal administrative elite. The empirical basis of the study is the biographical databases of high-ranking officials of 2013 and 2024. The study allowed us to draw a number of conclusions. In personal terms, the elite has been mainly renewed, while among the leadership of the PA and executive bodies directly subordinate to the head of state, personal reproduction is comparatively more pronounced. On the contrary, the socio-structural (career) characteristics of the elite, in general, demonstrate a tendency towards reproduction. Such indicators of its professional origin as the level of militarization and the share of people from the federal and regional administrations are quite stable. The federal parliament, as before, plays an insignificant role as a supplier of administrators, and the share of direct descendants from business has also changed little. In general, we can talk about a more or less established pattern of recruitment of the federal administrative elite during the rule of V. V. Putin, which indicates its institutionalization. The socio-structural reproduction of the elite was facilitated by the stability of the fundamental characteristics of the socio-political context of its formation, which largely determines the possibilities of an elite career, the

availability and attractiveness of positions of power. At the same time, some changes in the career characteristics of both the elite as a whole (for example, the role of private firms weakened and the importance of state-owned companies as direct suppliers of key officials increased) and its segments occurred. In part, these trends may be associated with the gradual departure from the elite of personnel who first occupied prominent administrative posts in the late 1990s – first half of the 2000s. Changes in the political and economic context in connection with the Special military operation and international sanctions may also influence the career characteristics of the elite, although still to a limited extent.

Keywords: federal administrative elite, reproduction, institutionalization, career, recruitment

Information about the Author

D. B. Tev

Candidate of Sociology,

Senior Researcher

ResearcherID: [N-5461-2017](#)

Scopus AuthorID: [33068267600](#)

The article was submitted 18.02.2025; approved after reviewing 01.03.2025; accepted for publication 17.03.2025.